

ISSN: 2158-7051

INTERNATIONAL
JOURNAL OF
RUSSIAN STUDIES

ISSUE NO. 6 (2017/2)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГРУЗИИ В ДУМСКОМ ДИСКУРСЕ РФ (2008-2009 ГГ)

АЛЛА ДИОМИДОВА*

Summary

The article presents metaphorical models of Georgia, which are realized in discourse of the Russian State Duma of 2008-2009. These metaphorical models (Georgia is Caucasus, Georgia is West, Georgia is a traitor / traitress) can describe the cognitive mechanism of creating an image of enemy.

Key Words: Image of enemy, political discourse, metaphorical models, Georgia, the State Duma.

Статья посвящена когнитивным механизмам формирования образа врага в дискурсе Российской Думы 2008-2009 гг. Различные аспекты темы создания образа врага уже достаточно хорошо изучены в разных науках, а также стали объектом отдельной науки – имагологии (подробнее в Папилова, 2011). Когнитивный подход к данной теме, который реализуется в нашем исследовании, позволит описать мыслительные операции, лежащие в основе текстов политиков. Многозначность и популярность в современных гуманитарных науках термина *дискурс* обуславливает необходимость если не уточнить его определение, то заявить о приверженности к одной из сложившихся традиций использования данного термина. Необходимость категории, которая позволила бы отказаться от имманентного анализа языка и текста, обусловлена экспланаторностью современной научной парадигмы. Американской лингвистической традиции свойственно определять дискурс как устный текст в противовес письменному (ср. written text / spoken discourse Coulthard 1992). В европейской традиции, берущей начало от работ М. Фуко (Фуко, 1969, 2012), дискурс – это тип текстов, которые объединены определенной идеологией. В таком значении термин *дискурс*

синонимичен терминам *дискурсии, дискурсивные практики*. Интернет-энциклопедия «Кругосвет» так определяет термин в русле французской традиции: «Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», также использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология)» (Кибрик, Паршин,). Таким образом, дискурс – это категория, призванная легитимизировать объединение под одной «крышей» языка, общества и сознания. Изучение политического дискурса можно назвать описанием идеологии на основании лингвистического анализа.

В данной статье представлены результаты лингвистического исследования образа Грузии, материалом для которого послужили метафорические контексты из текстов стенограмм заседаний Государственной Думы Российской Федерации 2008-2009 гг. – период вооруженного конфликта в Южной Осетии и последующей мировой реакции на него. Данные тексты размещены на официальной странице Государственной думы: <http://transcript.duma.gov.ru/>. Метафорические контексты выбирались из текстов стенограмм четырех сессий Государственной Думы РФ пятого созыва: 1 сессия (весна 2008 г.), 2 сессия (осень 2008 г.), 3 сессия (весна 2009 г.) и 4 сессия (осень 2009 г.). Одна сессия проходила перед конфликтом, весной 2008 г., а остальные три – после вооруженного конфликта августа 2008 г. в Южной Осетии. В статье описаны не все метафорические модели, а те, в которых отразился негативный образ Грузии, что позволит описать концептуальный механизм создания образа врага в российском политическом дискурсе.

Под достаточно расплывчатым термином «образ врага» традиционно понимается комплекс представлений друг о друге враждующих сторон. Образ врага принято отличать от негативных оценок других народов, закрепленных в национальных языках – так называемых этнических стереотипов. Особенность нашего материала состоит в том, что образ врага формируется не на основании этнических стереотипов, как это происходит обычно в случае военных конфликтов между странами, а на фоне «образа друга» (положительно окрашенного этнического стереотипа), который был закреплен за Грузией в предыдущий исторический период и сохраняет свою актуальность и в наше время.

Выбор в качестве описания образа врага именно метафорических моделей обусловлен не только актуальностью их исследования для когнитивной лингвистики в целом и политической лингвистики в частности. Образование данных моделей – это когнитивный механизм концептуализации действительности, в основе которого лежит осмысление одной понятийной сферы внеязыковой действительности в терминах другой.

Способы создания образа врага хорошо известны современной науке – они все основаны на механизме выведения «другого», «иного» из круга «своих». Традиционным способом создания образа врага является его «расчеловечивание» - например, перевод в класс животных (*звери, озверевшие*), опредмечивание (*мусор*) и т.п. Е.С. Сенявская, известный российский историк, много писавшая о создании образа врага во время Первой мировой войны и других войн, отмечала, что для Первой мировой войны «характерно

изображение врага в образе зверя, варвара, дикаря» (Сенявская, 1999, 26). Известный шведский ученый-славист Даниэль Вайс пишет о том, что в советской пропаганде свойственно изображать врагов в качестве мусора (*выметим метлой*), также переводить их в потусторонний мир: *нечисть* - очень популярное слово советской пропаганды (Вайс, 2008, 17, 21). Таким образом, метафоризация является достаточно обычной речевой стратегией говорения о врагах.

Начало исследования метафорических моделей политического дискурса положила статья Дж. Лакоффа о кризисе в Персидском заливе (Lakoff, 1991). Именно Дж. Лакофф показал влияние метафорических моделей, их превосходство над логическими аргументами, их мощь в деле оправдания военных действий. Дж. Лакофф отмечал, что метафорическая модель является эффективным орудием для манипулирования обществом. Метафорическое оправдание вмешательства США в конфликт между Ираком и Кувейтом включает (1) отождествление Садда Хуссейна с Ираком, а (2) помощи кувейтскому шейху со спасением всего Кувейта, (3) использование сказки «коварный злодей — невинная жертва — благородный спаситель» (Lakoff, 1991). Известный российский лингвист А.П. Чудинов, анализируя работы Дж. Лакоффа (Lakoff, 1991), подчеркивает, что «взаимное непонимание между американцами и арабами во время войны в Персидском заливе во многом объясняется различной ролью концептуальных метафор родства и могущества в национальном сознании. Используемые американскими политиками для оправдания своих действий метафорические образы оказались убедительными для большинства европейцев и американцев, но на жителей Ближнего Востока большее впечатление производили метафоры Садда Хуссейна» (Чудинов, 2001, 228).

Рассмотрение метафорических моделей Грузии мы начнем с того, что схематично, не претендуя на полноту (данная тема заслуживает отдельного исследования), обрисуем представления о Грузии, которые существовали (и до сих пор существуют) в русской (и советской) культурной памяти. К таким мы относим метафорическую модель «Грузия – это рай». Кроме того, Грузия для героя русской литературы – это часто место, где он находит спасение (так спасение в Грузии находят герои романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов»): «Он просто ощущал невыносимую боль, а я кричал о Грузии как о рае, и в душе его отлагались капля по капле мои восторженные крики, и надежда на спасительный вояж росла и крепла, и даже я сам впоследствии, говоря о Грузии, воображал себе черт знает что, а не истинную свою родину» (Окуджава, 1990, 52).

В райской Грузии, «благодословенной Грузии» (Б. Окуджава) спасаются не только литературные герои – достаточно вспомнить биографию Б. Пастернака, которые нашел приют в Грузии в период московской бездомности, а затем «спасался» переводами, в том числе и грузинских поэтов. Рай – это идеальное место, а грузины – идеальные люди. Грузинам русские приписывают часто всё то, что ценят в себе. К автомифам русских относятся мифы об особой душевности, гостеприимстве, непрактичности. Эти качества, только в превосходной степени, русские приписывают грузинам: очень гостеприимные, душевные, помогающие в трудных ситуациях.

Еще одна метафорическая модель, которую лишь условно мы отнесем к «исходным», так как она является актуальной и для думского дискурса – это метафора родства: «Грузия – это братский народ», «грузины – братья». Более подробно метафорическая модель родства в дискурсе современных российских СМИ рассмотрена в статье Э. В. Будаева «Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства» (Будаев, 2006). В ней автор отмечает, что «...часто как братские рассматриваются отношения русских и грузин. В

данном случае отголосок брежневской метафоры о дружной семье советских народов перекликается с исторической памятью о многовековых дружественных взаимоотношениях России и Грузии, конфессиональной общностью (...) и представлениями о «правильном» соотношении политического влияния России и других государств на политическую жизнь в Грузии» (Будаев, 2006, 45). Там же Э.В. Будаев отмечает, что, кроме грузин, братская метафора применяется к сербам, болгарам, украинцам, белорусам, не применяется к «прибалтам», то есть в постсоветское время ее использование не совпадает с официальным советским распределением на братьев и врагов, на нее влияние оказывают историческая память народа и текущая политическая ситуация (Будаев, 2006, 44-46). Отметим, что в думском дискурсе 2008 и 2009 гг. не исчезает осмысление грузинского народа как братского: оно связано с идеализацией прошлого либо с разделением властей Грузии, Саакашвили (которые враждебны России) и грузинского народа (который осмысляется как братский).

Анализ метафорических контекстов с ключевым словом «Грузия» в стенограммах заседаний Госдумы 2008-2009 гг. позволил нам выявить следующий набор метафорических моделей, ведущих к созданию образа врага:

«Грузия – это Кавказ»

«Грузия – это Запад»

«Грузия – предатель / изменница».

Обратимся к более подробному анализу данных моделей и начнем с первой: (1). «Грузия – это Кавказ». Данная пространственная метафорическая модель связана с особенностями содержания концепта «Кавказ» в современном политическом дискурсе. Содержание данного концепта к 2008 году было «нагружено» смыслами, связанными с войнами в Чечне, сложными отношениями к Чечне и чеченцам. Всё это нашло своё отражение в современном российском медиадискурсе: события в Чечне способствовали выработке особых клишированных устойчивых сочетаний, связанных с Чечней: *чеченские боевики, бандиты, бандформирования* и т.п. Кроме того, современному российскому медиадискурсу свойственна высокая степень эвфемизации, когда Кавказ и его дериваты являются эвфемизмом Чечни, чеченцев, событий в Чечне. Лексемы *Кавказ, кавказская республика, кавказский* могут использоваться в обсуждении проблем только одной республики – Чеченской. Приведем лишь несколько показательных примеров из российских СМИ. В статье О. Ветровой приводятся такие рассуждения: «*Россияне живут иллюзиями о богатой жизни*»: «*Он напоминает об особняках в Махачкале и других «бедных» кавказских республиках, которые растут, как грибы, о вызванной за большое вознаграждение в Чечню бразильской команде. «Какими деньгами это все оплачено? – спрашивает националист. – Кавказ развратили нашими деньгами*» (Ветрова, 2011).

Содержание концепта «Кавказ» становится оценочным: *кавказский* начинает означать не только локализованный на Кавказе, но и опасный, коварный, враждебный и т.п.

Подобное осмысление Кавказа (как эвфемизм Чечни) наблюдается и в думском дискурсе: (при обсуждении амнистии для участников второй чеченской войны) «*...всем нам, конечно, понятно и хочется, чтобы на Кавказе установился мир, и для этого принимаются все меры. Но вот как мы будем определять, кто из них совершал против физических лиц насилие? Как вот те, кто будет амнистию проводить, будут это определять?*» (22.09.2006). Ментальный Кавказ – это территория опасности, потенциальных проблем: (о Чечне) «*...только проблема тут в том состоит, что накапливается на Кавказе взрывоопаснейший потенциал*» (22.09.2006).

Ментальный (а не географический) Кавказ не всегда включает Грузию: «*Он обожал*

работать, к тому же любил Кавказ, Грузию, Армению» (Спивакова, 2002). Грузия часто стоит особняком (см. выше – так как находится «в раю»). В думском дискурсе 2008-2009 гг. наблюдается метафорическое перемещение Грузии из рая на Кавказ, а это, в свою очередь, влечет за собой приложение к Грузии всех тех негативных коннотаций, которые сформировались в постсоветское время у этого концепта.

Для думского дискурса характерно, что о Грузии начинают говорить в терминах Чеченских войн и сложных отношений России с Чечней: *Кавказ, грузинские боевики, боевики* (сама номинация *боевики* лишает грузинские военные силы легитимности), *грузинские вооруженные банды, мир на Кавказе* и т.п. «Вспомните, что было в конце 2008 года на Кавказе...» (о событиях августа 2008 г.) (20.11.2009). Таким образом, негативное ассоциативное поле, которое сформировалось в российском политическом дискурсе в отношении лексемы Кавказ и его дериватов (часто используемых для эвфемистического Чечни и суммы значений, связанных с чеченским конфликтом) было перенесено и на конфликты между Грузией и Россией.

Далее рассмотрим две метафорические модели: (2). «Грузия – это Запад» и (3). «Грузия – предатель, изменница». Данные метафорические модели можно разделять, а можно и рассматривать как некое концептуальное единство, так именно тема сближения Грузии с Западом сопровождается активацией метафорической модели предательства, измены. Известно амбивалентное отношение в современной России к Западу. С одной стороны, Запад – это недостижимый идеал и точка отсчета для сравнений. С другой стороны, Запад – это враждебная территория.

В думском дискурсе 2008 и 2009 гг. негативное отношение к Грузии, осуждение ее военных действий базируется на метафоре перехода Грузии от России к Западу (чаще всего к США, но и общность с Европой и «новыми друзьями» может оцениваться резко отрицательно). Приведем несколько показательных примеров: «*Безграничная готовность Саакашвили вопреки истории и традициям грузинского народа во всем следовать интересам так называемой евро-атлантической солидарности оказалась для многих западных политиков важнее интересов мира и стабильности в Кавказском регионе, выше декларируемых принципов защиты прав человека и национальных меньшинств*» (25.08.2008). Переход к Западу осмысляется как нечто противоречащее естественному ходу истории, традициям грузинского народа. Такое «неестественное» поведение является трагедией для грузинского народа: (о событиях в Кутаиси) «*И, конечно же, это и трагедия Европы, европейской цивилизации, которая давно объединилась в отрицании нацизма*» (25.12.2009). Европа давно «отрицает нацизм», Грузия оказывается вместе с Европой (на Западе), против России, которая, следовательно, поддерживает связь народов: «*он (Саакашвили) попытался разорвать связь народов, ту связь, которая по-прежнему объединяет все народы бывшего Советского Союза*» (25.12.2009). Любые движения Грузии на Запад воспринимаются болезненно: «*Как известно, Грузия собирается вступить в НАТО. (...) Это будет огромный удар по авторитету России и вдобавок дестабилизирует ситуацию на Северном Кавказе*» (23.01.2008).

«Движение» Грузии на Запад выражается и в том, что Грузии и грузинам начинают приписывать черты, которые характерны для осмысления в России представителей Запада. Например, это практичность, эгоизм, безнравственность. Грузия (и Саакашвили) обвиняются в том, что «думают только о своих интересах», являются «профессиональными»: «*[об Олимпийских играх в Сочи] Уже нет-нет да и раздаются голоса как со стороны разного рода профессиональных русофобов, так и стороны записных так называемых*

правозащитников. (...) эти голоса раздаются как со стороны Грузии ... (11.04.2008 г.)»; «Для них национально-эгоистические цели в отношении России оказались важнее жизни стариков и детей, гибнущих именно в тот момент под бомбами грузинских войск. Остаётся надеяться, что такая политическая поспешность и безнравственная односторонность не являются истинной позицией» (25.08.2008). Западные союзники Грузии называются «иностранными хозяевами Грузии», насмешливо говорится о «группе друзей Грузии» в ООН (25.08.2008), подчеркивается «покровительство» Запада. Отношения между Россией и Грузией осмысляются как ссора, в которой виноват М. Саакашвили: «Сегодня на заседании комитета при обсуждении проекта нашего обращения мы говорили о том, что агрессивные действия режима Саакашвили не должны рассорить народы России и Грузии, всегда относившиеся друг к другу с неизменными чувствами доверия и симпатии» (25.08.2008). Грузинское руководство и западные власти, выступая заодно, наделяются нелестными эпитетами (в приводимой ниже цитате подчеркивается их общая неадекватность, далее говорится об истеричности): «неадекватной реакцией на ввод контингента наших железнодорожных войск на территорию этой республики со стороны грузинского руководства и Госдепартамента США» (04.06.2008).

Насколько думский образ врага повлиял на трансформации образа Грузии в российском обществе? Изменилось ли отношение к Грузии у так называемых «простых людей»? Ответ на данный вопрос не может быть найден в рамках нашего исследования, однако определенное свидетельство актуальности проанализированных моделей было обнаружено в интервью с российскими актерами, которые приехали в Грузию летом 2015 г. Приведем цитату из их интервью как подтверждение того, что выделенные нами модели, как «исходные», так и конструирующие образ врага (Грузия – рай, а также негативный образ Кавказа и Запада), существуют не только в стенах Думы:

«Вопрос: А какой вам Грузия показалась бывшей советской или западной? Или совсем кавказской? Куда она ушла за это время?

Ответ: Мне кажется, что Грузия шагнула в какую-то свою, естественную сторону развития. Ведь в основном к кавказцам относятся настороженно, что скрывать. Там этого нет совершенно. Грузия – это какая-то отдельная, невероятно самобытная страна, в которой жутко приятно находиться. Нет никакого опасения. Такая страна на добре» (Sputnik Грузия, 2015).

Очарованные Грузией актеры не относят ее ни к Кавказу, ни к Западу, они (стараясь сделать Грузии комплимент) отмечают, что Грузия является самобытной страной.

В заключение отметим, что образ врага создается в данном случае путем осмысления отношений между странами, территориями в терминах отношений между людьми («страна, территория – это человек»). Это наиболее очевидно для метафоры «Грузия – это предатель / изменница». В случае с двумя другими метафорами гораздо более важным является уже готовых, актуальных для современной российской политической ситуации, образов (дискурса чеченских войн и нелюбви к Западу).

Результаты данного исследования в дальнейшем будут включены в более широкий сопоставительный контекст, исследование метафорических моделей Грузии будет продолжено на материале литовского парламентского дискурса. Однако уже сейчас можно предположить, что для осмысления образа Грузии важной будет ключевая метафорическая модель литовского политического дискурса: Литва в пути (на Запад) (описана литовским исследователем Ю. Цибульскене в Cibulskiene 2005). Осмысление образа Грузии будет, вероятно, связано как с общим советским прошлым, так и с общим видением перспектив развития Литвы и Грузии.

Библиография

- Будаев Э. В. (2006) Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Политическая лингвистика. №18. С. 34-57.
- Вайс Даниэль (2008) Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. №24. С. 16-22.
- Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки № 4.С. 31-41.
- Ветрова О. (2011) Россияне живут иллюзиями о богатой жизни. // Новая газета, 12.03.2011. <http://newsland.com/news/detail/id/653624/>
- Сенявская Е. С. (1999) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Cibulskienė J. (2005) Konceptualioji kelio metafora Lietuvos rinkimų diskurse. // Kalbotyra, Nr. 1 (25).
- Coulthard M. (ed.) (1992). *Advances in Spoken Discourse Analysis*. London: Routledge.
- Кибрик А. А., Паршин П. Б. Дискурс. // Энциклопедия «Кругосвет» (<http://www.krugosvet.ru>).
- Красильникова Н. А. (2009) Жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании // Политическая лингвистика . №30. С. 128-132.
- Lakoff G. (1991) Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D. Yallet (ed.).
- Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu. http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/VNG_News_3&3_1.html
- Папилова Е. В. (2011) Имагология как гуманитарная дисциплина //
- Окуджава Б. Ш.(1990) Путешествие дилетантов. Москва: Современник
- Российские артисты: Грузия – это сердце (2015) // Сайт <http://sputnik-georgia.ru> 17 сентября (<http://sputnik-georgia.ru/opinion/20150917/228560656.html>).
- Фуко М. (2012) Археология знания. М.: Гуманитарная академия. (Первое издание *Foucault, M. (1969) L'Archeologie du savoir*. Paris: Gallimard.).
- Чудинов А.П. (2001) Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.

^[1]This research was supported by a Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme

Fellowship within the 7th European Community Framework Programme “Possibilities and limits, challenges and obstacles of transferring CEE EU pre-accession best practices and experience to Moldova’s and Georgias pre-accession process (acronym: EU-PREACC)”

***Алла Диомидова** - доцент Вильнюсского университета Каунасского гуманитарного факультета www.vu.lt Кафедры иностранных языков, Вильнюс, Литва). e mail: Alla.diomidova@gmail.com, ala.diomidova@khf.vu.lt

© 2010, IJORS - INTERNATIONAL JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES